

Научная статья

УДК 39:001,891.55+069.013

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.8>

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ. В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Владимир Александрович Дмитриев

Российский этнографический музей (д. 4/1, Инженерная ул., Санкт-Петербург, 191186, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
dmitriev_home@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0011-5153>

Аннотация. Введение. В конце 1930-х гг. Российский этнографический музей (тогда Государственный музей этнографии) с созданием в нем исторического отдела приблизился к статусу Национального музея. Данное изменение, бывшее весьма кратковременным, малоизвестно и продолжает вызывать вопросы. **Материалы и методы.** Основным методом исследования является изучение и введение в научный оборот информации, содержащейся в документах архива Российского этнографического музея. На основании анализа архивных документов и публикаций в научной периодике выявляется соотношение логики развития конкретного научного учреждения и результатов влияния на нее элементов государственной политики. **Анализ** проводится на основании оценки тех изменений, которые произошли в Государственном музее этнографии во второй половине 1930-х гг. **Результаты.** В этот период музей, пережив реформы, связанные с выделением его в учреждение «советского» типа, вернулся к научным нормам работы. Был выработан собственный стиль экспедиционных поездок, проверен на практике новый тип

экспозиции, сформирована концепция изучения этнографии современности. Особым событием было создание в музее на краткий период исторического отдела, для обеспечения работы которого было использовано собрание бывшего Историко-бытового отдела Русского музея.

Ключевые слова: Государственный музей этнографии, этнографическая экспозиция, традиционная этнография, этнография современности, Исторический отдел Государственного музея этнографии, Историко-бытовой отдел Русского музея

Для цитирования: Дмитриев В. А. Вторая половина 1930-х гг. в истории Российского этнографического музея // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 72–79. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.8>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 29.12.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.03.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

THE RUSSIAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN THE SECOND HALF OF THE 1930S

Vladimir A. Dmitriev

Russian Ethnographic Museum (4/1, Inzhenernaya St., St. Petersburg, 191186, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Head scientific member
dmitriev_home@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0011-5153>

Abstract. Introduction. The Russian Ethnographic Museum (then the State Museum of Ethnography) in the late 1930s, as a result of the creation of a historical department in it, approached the status of a national museum. This change, which was very short-lived, is little known and continues to raise questions. **Materials and Methods.** The main method of research is the study and introduction into scientific circulation of information contained in the documents of the archive of the Russian Ethnographic Museum. Based on the analysis of archival documents and publications in scientific periodicals, the relationship between the logic of development of a particular scientific institution and the results of the influence of elements of state policy on it is revealed. **Analysis.** The analysis is carried out on the basis of an assessment of the changes that occurred at the State Museum of Ethnography in the second half of the 1930s. **Results.** During this period, the museum, having survived the reforms associated with its separation into a “Soviet” type institution, returned to scientific standards of work. A personal style of expedition trips was developed, a new type of exhibition was tested in practice,

and a concept for studying the ethnography of modern times was formed. A special event was the creation of a historical department in the museum for a short period, to support the work of which the collection of the former Historical and Household Department of the Russian Museum was used.

Keywords: State Museum of Ethnography, ethnographic exhibition, traditional ethnography, modern ethnography, Historical Department, Historical and Household Department

For citation: Dmitriev VA. The Russian Ethnographic Museum in the second half of the 1930s. *Humanities and law research*. 2025;12(1):72-79. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.1.8>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 29.12.2024.

The article was approved after reviewing: 18.03.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

Введение. 1930-е гг. являются периодом особых трансформаций в истории нашей страны, что видно на примере событий, затронувших, в частности, Российский этнографический музей (РЭМ), существовавший с 1934 г. как Государственный музей этнографии. Изучение уникальных событий в истории одного из музеев в момент, когда он приблизился к статусу Национального музея, позволяет оценить в какой степени музейное дело является частью внутренней политики страны.

Материалы и методы. Данный период освещен преимущественно материалами из архива Российского этнографического музея. Их изучение явилось базой для выявления и сопоставления сведений о пути эволюции музейно-этнографического знания, вырабатываемого в самом музее, и элементов государственной политики в отношении музейного дела в период завершения резкой трансформации общественной жизни в СССР конца 1920-х гг. первой половины 1930-х гг.

Анализ. Изучению подвергаются свидетельства об изменении направленности научной деятельности музея после его реформирования в 1934 г. и возвращении к выполнению задач этнографического музея как научного учреждения. Этот путь коллектив музея проделал самостоятельно и эффективно. На деятельности ГМЭ также сказались компоненты государственной политики в области науки, готовой в конце 1930-х гг. принять часть приемов ее дореволюционной организации.

Очевидно, имеет необходимость отметить в целом специфику второй половины 1930-х гг. в истории российского государства, имевшего уже устоявшуюся форму Союза Советских Социалистических Республик и задекларированную в Конституции 1937 г. 1930-е гг. начались с резкого модернизационного скачка, проведенного властью со второй половины предшествовавшего десятилетия и изменившего тип цивилизационного развития страны с аграрно-традиционного на индустриально-городской, многие особенности которого в СССР определялись государственно-партийной вертикалью управления социальными и культурно-образовательными процессами. Была ограничена или устранена роль всех общественных групп, которые связывались с наследием прошлого, заново сформирована техническая и гуманитарная интеллигенция, введена в строй отлаженная система идеологического контроля в сферах науки, культуры, образования и просвещения. Модернизационный скачок проходил в жестоко-репрессивном режиме, однако можно полагать, что в самом конце 1930 г. страну уже наметили переводить на постреволюционное развитие, что показали отчасти материалы XVIII партийного съезда. Из-за начавшейся в 1939 г. Второй мировой войны и последовавшего за ее окончанием восстановительного периода, процесс признания того, что революции завершилась, затянулся до решений XX съезда КПСС в 1956 г.

Названные обстоятельства являются общеисторическими факторами существования всех общественных институтов СССР в 1930-х гг. Для Российского этнографического музея их прямым проецированием являются смена кадрового состава музея и реорганизация в 1934 г. музея в самостоятельное учреждение, полностью закрывшая страницу его дореволюционной истории. История ГМЭ в 1930 г. делится на два периода: 1934–1937 гг. и 1937–1941 гг. Рубежом между периодами является время временного закрытия музея в летне-осенний период 1937 г., когда страна переживала пик трагедии «большого террора».

Помимо общеисторических необходимо учесть структурные факторы, относящиеся к таким областям методологии музейной деятельности, этнографической науки и краеведения.

При характеристике основ советского музейного дела в 1930-х гг. отмечаются следующие признаки:

- реорганизация музейного дела в начале десятилетия, толчок к которой был задан 1-м Всероссийским музейным съездом 1–5 декабря 1930 г., (83% участников которого пришли в музейное дело только в советское время, а 36% делегатов имели стаж музейной работы до 1 года) и которая разрушила профессиональные основы музеологии; позднее курс данной реорганизации был признан ошибочным, но исправление его началось только в следующие десятилетия [14; 21; 25; 28];
- характеристика всего десятилетия как времени увлечения бумажно-пропагандистским материалом в ущерб комплектованию собрания музеев фондом подлинников;

- двойственная позиция партийно-государственного руководства музейного дела в отношении целей музейного комплектования, на словах чрезмерное увлечение схемами и пренебрежение к подлинникам было подвергнуто критике (циркуляр Наркомпроса «О реэкспозиции музеев» от 17 января 1933 г.), но на деле всегда поощрялось, что в совокупности дезорганизовывало работу на местах;

- внедрение новых форм музея, где не было места предметам традиционной культуры; с 1936 г. формируется сеть музеев Ленина, возникают со второй половины 1930-х гг. литературные музеи, растет сеть технико-экономических и естественно-научных музеев, пропагандирующих достижения социалистического строительства; сокращается число историко-бытовых и историко-художественных музеев ансамблевого типа, утверждается типовая структура краеведческого музея, состоящая из трех экспозиционных отделов – природы, истории и социалистического строительства; часть музеев с большим историческим прошлым преобразуется в дополнение созданных на их же базе научно-исследовательских институтов;

- этнографическим музеям Москвы и Ленинграда вменяется функция экспозиционной пропаганды результатов социалистического строительства [29].

Сходным образом, но радикальнее, реформировалось краеведение:

- 30 марта 1930 г. СНК РСФСР принял постановление «О мерах по развитию краеведного дела», согласно которому все прежние краеведческие общества ликвидировались;

- До середины 1930-гг. шел процесс сокращения числа краеведческих музеев;

- В 1934–1935 гг. были созданы оргбюро по созданию краеведческих обществ, во главе которых обычно стояли чиновники исполкомов, был утвержден типовой устав общества изучения края; в директиве Наркомпроса «О постановке и организации краеведческой работы» от 25 апреля 1938 г. было дано указание о перемещении центра краеведческой работы в школы, вузы, и культпросветучреждения [15].

Этнографическая наука была в сложном положении, когда решалась сама возможность ее существования как научной дисциплины, это состояние было особо характерно для времени между Совещаниями 1929 и 1932 гг., т.е. в те же годы, что кардинально реорганизовывалась вся страна. Уже в 1932 г. констатировалось, что похороны этнографии и археологии были результатом левацкого упрощенчества и вели к нигилистическому отрицанию роли старого наследия в науке [16, с. 12]. Но наука возродилась уже в ином виде:

- с образованием в 1933 г. академического Института этнографии из МАЭ и выделением в 1934 г. ГМЭ из состава Русского музея сместился в сторону институтской формы организационный центр деятельности этнографов;

- этнография в СССР была сведена к науке о принципах первобытно-общинного строя, проблемах внутренних противоречий в доклассовом обществе и роли пережитков в ходе эволюции, хотя само внимание к пережиткам стало трактоваться партийными идеологами как уход этнографов во внимание к циничной кулацкой мистификации, искусственно поддерживаемой под лозунгом родовой солидарности и кровного родства; наука должна была изучать признаки архаики, как тематики, являвшейся с позиций официальной иде-

ологии рассадником воинствующей отсталости, инструментом классового врага, препятствием на пути строительства социализма;

- в 1936 г. было дано через главную партийную газету указание развивать направление отражения борьбы коренных народов России против царского колониализма, что было не только отражением руководящей роли партийных инстанций, но и в некотором смысле следующим после решений Совещания 1932 г. признанием специфических функций этнографической науки;

- к концу 1930 г. возродилась вузовская этнография: в 1939 г. была организована кафедра этнографии в Московском Университете (преподавание курса дисциплины велось с 1934 г.), в 1938 г. было открыто отделение этнографии в Ленинградском университете; очевидно, это было частью той же политики, в рамках которой 13 марта 1938 г. русский язык введён как обязательный предмет для изучения во всех школах СССР;

- историки науки полагают, что, в целом, возрождение этнографии стало возможным с прекращением партийно-государственной поддержки марризма в гуманитарных дисциплинах с конца 1930-гг., окончательно отвергнутого в послевоенный период [26; 27].

Таким образом, отмечаются общие закономерности становления и существования реформированной науки, в объектно-организационную область которой входила музейная этнография: полная управленческая и кадровая реорганизация, жесткий идеологический диктат с недо конца сформулированными профессиональными задачами, выделение двух этапов исполнения учреждениями науки, культуры и образования функционального долга в условиях политических изменений в советском государстве в 1930-х гг.:

- с начала культурной революции с конца 1920-х гг. до середины 1930-гг.,
- от середины 1930 г. до 1941 г.

Для ГМЭ, выделенного в самостоятельное учреждение в 1934 г., рубежными датами явились период реформирования (1932–1934), время перехода между периодами начала и конца десятилетия (1936–1937), период ренессанса в истории музея в предвоенное время в истории страны (1937 – 1941). Обстоятельства превращения Этнографического отдела Русского музея в самостоятельный Государственный музей этнографии в 1934 г. уже были рассмотрены [13, с. 6–24], сейчас можно обратить внимание на переменчивую судьбу музея в 1936–1941 гг.

В 1934 – 1936 гг. ГМЭ работал с обновленным кадровым составом, прежней кадровой структурой, продолжая выполнять плановые задания, которые были сформулированы еще в 1932 г. [1]. Замена сотрудников молодым пополнением все последующие годы будет преподноситься главным отчетным показателем, показывающим «правильность» работы Государственного музея этнографии [20, с. 221]. В 1939 г. из работавших в музее были приняты на работу после 1934 г. – 77,2 % сотрудников [9, с. 157].

К концу периода структура музея изменилась с выделением отделов, привязанных уже не к обширным этнографическим областям как в 1920-гг., а к республикам и регионам Советского Союза. С 1936 г. успешно решалась задача полного отражения в экспозициях музея политико-этнографической карты Советского Союза. К 1941 г. были построены экспозиции «Узбеки в прошлом и настоящем», «Туркмены в прошлом и настоящем»,

«Народы Карело-Финской ССР», «Народы Мурманской области», (смена экспозиция Народы Карелии и Кольского полуострова), «Народы Саяно-Алтая», «Русское население Центрально-Черноземной области», сохранялась экспозиция «Белорусская ССР», были организованы постоянные выставки «Народы Северного Кавказа», «Образы народного изобразительного искусства Грузии», «Евреи в царской России и в СССР», «Народы Сибири (чукчи, коряки, эвенки, ойроты, хакасы», «Образцы народного искусства чувашей и марийцев», «Художественные промыслы кустарей северных областей РСФСР». К важным политическим событиям, как, например, расширение пространства СССР в 1939–40-гг. музей оперативно отозвался выставками «Народы Западной Белоруссии и Западной Украины» и «Молдавская ССР», что заслужило положительную оценку вышестоящих инстанций.

Можно вполне определенно говорить о том, что работа музея была подчинена подготовке строительства экспозиций, но, если в самом начале реконструкции музея такую постановку вопроса понимали как государственное задание, то, к середине 1930-хх появляются акценты профессионально-этнографического понимания значимости экспозиционной работы [24]. Одновременно укрепляется предствление об экспозиции как части научно-исследовательской работы [18, с. 41; 17].

Оценивая 1930-е гг., с позиции опыта 1960-х, авторы специального очерка истории ГМЭ, Е.Н. Студенецкая и Т.А. Крюкова, говорят о переходе от вещеведческих экспозиций к тематическим, которые «стремились к связному показу вещей для основной цели – освещения жизни и быта того или иного народа в определенной географической среде, в определенных социальных, экономических и исторических условиях «и требовавших сбора «дополнительного материала, изучения условий бытования вещей и жизни народа в целом». Далее отмечается, что «требование введения в экспозицию дополнительного, объясняющего материала повлияло на отношение к основному, документальному» [18, с. 48]. В 1930-е гг. появилось отрицательное отношение к вещевым экспонатам, т.е. боязнь вещей, утратилось чувство подлинности экспоната. В 1930-х гг., когда в экспозицию в огромном количестве вводились подсобные материалы без национальной специфики, когда не ясен был профиль этнографической науки и ее отличие от смежных дисциплин, тогда и музейные коллекции засорялись нередко вспомогательными, не имевшими отношения к этнографии вещами.

Нам представляется, что при разговоре о «бумажном» характере экспозиций ГМЭ 1930 гг., необходимо еще раз подчеркнуть соответствие таких методов запросам публики, которую, скорее всего, в музей не влекли желания полюбоваться на этнографические факты и на проявления победных реляций о строительстве социализма в деревне. В музей шли за продолжением образования, что соответствовало духу времени и настроениям той категории населения, что посещала музеи. Ярким свидетельством того, как это происходило, могут служить записи книги отзывов о посещении выставки ковров, артефактов, вызывавших у посетителей совсем другие вопросы, чем пожелания показать условия труда ковровщиц, производительность ковровых артелей и т.п.

Уникальную возможность получить оценку современника времени 1934–1936 гг. представляет манифест А.К. Супинского («Доклад о положении в этнографической науке с обзором экспозиционной деятельности

Этнографического музея»), стилистика которого дает гипертрофированное представление о нестабильности, неопределенности целей в работе сотрудников ГМЭ и показывает их полную обреченность на негативную критику любой проводимой ими работы [5, с. 9–11]. Мы уже знаем, что обычно такая критика заканчивалась и общими замечаниями, и поиском виновников в рабочем коллективе.

В такой обстановке музеем были решены задачи не только роста количества экспозиций и числа представленных ими народов, но проведены важные методологические разработки:

- проведена эволюция экспозиции от типологической (представляющей виды жилищ и одежды) к тематической (где вещь является иллюстрацией к определенной историко-этнографической теме);
- возвращено отношение к вещевым экспонатам как к основному материалу выставочных комплексов, «но не в ущерб их социальному объяснению»;
- изобретено овладение театрализованной формой показа предметов (создание таких сцен, как, например, еврейское местечко);
- достигнуто широкое использование макетов как учебных пособий, особенно для школьников;
- достигнута выработка нового типа экспозиции, не дающей показа всего быта и культуры народа, но знакомящей с народным творчеством и богатством музейных коллекций [20].

Особо следует подчеркнуть, что музей добился права на размещение в экспозициях предметов, являвшихся этнографическими фактами, т.е. отчасти проявлениями той архаики, которую в начале 1930-х гг. власти рассматривали как реакционное явление, а во второй половине десятилетия согласились видеть в ней компоненты культуры народов, строящих социализм. При этом музей выработал свое концептуальное и приемлемое для властей понимание современности. Оно проявилось:

- в экспедиционном сборе предметов, сохранявших этническую специфику под воздействием фактора модернизации, так в 1936–1940-гг. Е.Н. Студенецкая из поездок на Северный Кавказ привозит образцы современной национальной одежды, выполненные как в семейной среде, так и на фабрике национальных изделий;
- в экспозиционной работе – применяется прием сопоставления двух частей экспозиции, одного по этнографии дореволюционного времени и другого по этнографии современности;
- в разных видах работ использование тезиса официальной пропаганды о важности классовой и антиколониальной борьбы народных масс против царизма и имперского угнетения как формы проявления народных в том числе этнических традиций.

Важным сопутствующим обстоятельством осовременивания подходов музея к отражению этнических реалий был отказ от задач палеоэтнологии, исполнявшихся до середины 1930-гг., сосредоточение внимания на периоде истории не ранее конца XIX в. и отказ от археологических исследований и владения археологическими коллекциями. Сбор собственного этнографического материала во второй половине 1930-х гг. стал постоянной формой работы, утвердилась такая форма экспедиции, как выезд в поле 1–2 сотрудников. Таким образом, коллектив сотрудников музея обрел приемы стабилизации рабочего процесса. Административные инстанции, осуществлявшие руководство музеем, продолжали осуществлять свой путь реформ.

В 1935 г. было высказано мнение о превращении ГМЭ в единственный этнографический музей в Ленинграде в связи с переводом в Москву Музея антропологии и этнографии. Для ГМЭ предполагалось строительство нового здания, образования целого музейного комплекса с этнопарком на площадках Географического и Ботанического музея [2, с. 1].

Затем линия истории ГМЭ пережила крутой поворот, проявившийся с закрытием его в 1937 г., что было явной инициативой ленинградских партийных властей и было связано с обстановкой «большого террора», поскольку руководству музея об этом не было сообщено предварительно, и они узнали о собственных прегрешениях из публикации в Ленинградской Правде.

Впечатляющим было такое же внезапное, как и закрытие, открытие музея спустя два месяца. ГМЭ был сразу же подключен к череде праздничных мероприятий года 20-летия Октябрьской социалистической революции. Несомненно, данное событие было решением центрального руководства СССР, возможно готового к возрождению некоторой атрибутики имперского прошлого России, выявлению приоритетов исторической национальной государственности. С возобновлением деятельности ГМЭ связан краткий период своеобразного ренессанса в деятельности музея, который можно охарактеризовать как время примерки статуса комплекса Национального музея.

В этот период Государственный музей этнографии уверенно вписывался в образовательную систему страны. На конкурсе в честь XVIII съезда ВКП(б) ГМЭ занял первое место [18, с.52–53]. В постановлении музейного отдела Наркомпроса говорилось: «Особенно рекомендовать использовать опыт Государственного музея этнографии в части организации дня школьника как одной из форм массовой работы». В ленинградских масштабах ГМЭ также удалось поднять свою оценку: при Политико-просветительном институте им. Н.К. Крупской был создан в 1938 г. музейно-краеведческий факультет – заведующим кафедрой в котором был директор ГМЭ Е.А. Мильштейн, сотрудниками работниками ГМЭ – А.Я. Дуйсбург, Г.А. Никитин, Е.Н. Студенецкая [18, с. 51].

Еще одно событие следует поставить в признаки поднимающегося статуса ГМЭ – проведение в Государственном музее этнографии совместного Ученого Совета ГМЭ и МАЭ с докладом директора Института этнографии академика В.В. Струве [7, с.6–30]. Именно на этом совете были озвучены положения в среде профессионалов положения, восстанавливающие значение этнографии после прошедших больших потрясений в обществе. Основной тезис докладчика состоял в том, что «Мы изучаем, как на основе новой экономики возникает новый быт, но не отбрасываем прежних задач этнографии», в ответах на вопросы были даны разъяснения к тезису: «От этнографов требуется изучать новый быт, тогда как этнографы раньше изучали пережитки; история быта и этнография - дисциплины, имеющие много сходства, но которые следует различать... [7, с. 26]. В заключении докладчик высказал надежду о начавшемся со дня доклада сближении МАЭ и ГМЭ. О характере развернувшейся дискуссии можно судить по тем темам, которые поднимались в вопросах сотрудников ГМЭ: нужно ли изучать городскую этнографию, в каком отношении находится история быта к этнографии, какие рамки показа нового быта для Этнографического музея; не выпадают ли из сферы этнографии материалы по эпохе сложения наций; где кончается предметная

область археологии и начинается область этнографии; можно ли дать четко можно только определение предмета этнографии досоветского периода, в чем состоит понимание отражения нового быта и почему в музей попадает такое малое их количество; как сочетаются в музейном собрании вещевые коллекции, профессионально собранные, и сведения, полученные из других источников? [7, с. 26–33].

В ГМЭ активизировалась научная жизнь, которую поддерживала администрация музея, проводившиеся совещания при дирекции были полны дискуссий об общих проблемах этнографии и роли ГМЭ в их разрешении.

В конечном итоге, выработанное Положение о Государственном музее этнографии определяло музей как Научно-исследовательское и политико-просветительное учреждение Всесоюзного значения, которое проводит:

- сбор, хранение и научное изучение вещевых коллекций, фотографических и текстовых материалов;
- научно-исследовательские экспедиции и командировки по сбору материала для музея;
- научные исследования по музейному делу;
- создание постоянных экспозиций по этнографии народов СССР для массового обозрения;
- создание временных стационарных и передвижных выставок, в музее и вне его;
- организацию проведения докладов, экскурсий и конференций в музее и вне его;
- создание кабинетов с целью глубокой проработки отдельных вопросов с посетителями музея;
- издание печатных работ; проведение консультаций для местных музеев и др. органов;
- созыв научных совещаний по тематике деятельности музея.

В Положении были отражены и другие пункты. В частности отмечалось, что научно-исследовательская работа должна была вести борьбу с отрицанием специфичности этнографии, и поэтому музей исходит из того, что этнография самостоятельная историческая дисциплина, а этнографический музей – хранилище огромного количества памятников, цель же науки – всесторонне изучение жизни племен СССР, находящихся в настоящее время в процессе их национальной консолидации. Музей изучает бурное развитие национальной культуры и быта, порожденное социалистическим строительством, и при этом более тех народов, которые достигли до Октябрьской революции племенного устройства; музей должен привлекать к показу черты культуры городского быта, присущее данному народу, однако, показ культуры города являлся задачей других музеев [8, с. 5–17].

Конечно, значительное поднятие статуса ГМЭ после определенного снижения значения его как научного учреждения и особо после закрытия вызывает удивление. Но многое становится понятным, если обратить внимание на весь процесс реорганизации учреждений науки в 1920-е – 1930-е гг., когда сначала проводился сначала умеренный, но все более отчетливый отказ от практики дореволюционного периода и создавались (особо с начала «великого скачка» конца 1920-х) учреждения коммунистической науки, а затем эти инновации ликвидировались, и их штаты вливались в институты старой академической науки, хотя и сильно измененные, но формально демонстрировавшие верность традициям прошлого. Особо показательна история формирования Института истории АН СССР, который был создан

в 1936 г. на базе объединения Историко-археологического института (в дореволюционные времена Историко-археологическая Комиссия) с Институтом истории (1929–1936 гг.) Коммунистической Академии (создана в 1918 г., усилена вхождением ряда учреждений в 1929–1931 гг., ликвидирована в 1936 г.). Другой вариант показывает, как, учреждения собственно большевистской науки превращались в академические: в 1929 г. был образован Институт философии Коммунистической академии, а в том же 1936 г. его преобразовали в Институт философии АН СССР. Третий вариант можно отметить на примере образования Института археологии АН СССР, когда преобразования шли внутри формально одного учреждения, сопровождаясь незначительными изменениями названия учреждения: свою родословную учреждение ведет от Императорской Археологической Комиссии (1859 г.), получившей в 1919 г. название Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК), далее названия менялись на Государственную академию (ГАИМК – 1926–1937 г.), Институт истории материальной культуры (с 1937 г. с последующими переименованиями). Период ГАИМК А.А. Формозов, полагал периодом расцвета института и отмечал следующие в нем отрезки времени: 1929–1930 гг. – репрессии в отношении кадров с дореволюционным опытом научного исследования, 1930–1933/34 гг. замена их сотрудниками, составившими себе имя на почве вульгарного марксизма – марризма, с 1933–1934 гг. предоставление возможности работать специалистам, известным профессиональным историкам и востоковедам [29, с. 162–184].

Становится понятным, почему ГМЭ с его дореволюционным прошлым (образован в 1895 как Этнографический отдел Русского музея императора Александра III), подвергаемый критике, репрессиям против старых кадров и реорганизации в 1928–1934 гг., в конце 1930-х гг. мог получить перспективу мощного развития в государстве победившего социализма.

И, хотя возможность реформирования ГМЭ в крупный исторический музей обсуждалась с 1932 г. [7, с. 33], только во второй половине десятилетия она стала пользоваться государственной поддержкой. 4 октября 1937 г. т.е. в процессе восстановления музея после его временного закрытия было проведено заседание расширенного Ученого Совета ГМЭ, на котором сотрудникам ГМЭ было представителем Наркомпроса сказано, что сотрудникам следует показать, что в Ленинграде можно и должно создавать серьезную историческую экспозицию, вопреки мнениям некоторых представителей ленинградских (Ленсовет) и московских (Наркомпрос) властей, подчеркивалось, что такая экспозиция должна быть только в одном месте, которым избирается ГМЭ.

Уже к концу года была построена экспозиция «История России XVIII в», которая обсуждалась на заседании УС ГМЭ 16 декабря 1937 г.

При отсутствии соответствующей документации, есть основания полагать, что материал для экспозиции был привлечен из собрания бывшего Историко-бытового отдела Русского музея.

Историко-бытовой отдел был создан в 1918 г. с целью сохранения и показа быта разных сословий Российской империи; после беспримерных даже для советского музейного дела реконструкции и перемещений 1.04.1937 г. И-БО был передан в ведение Государственного музея этнографии и находился в нем в качестве Исторического отдела до 16.04.1941 г., когда был передан в Эрмитаж [12, с. 108–115].

Специфика историко-бытовых музеев как сложилась в начале послереволюционного периода, когда перед такими музеями ставились задачи: показать, как в дореволюционной России жили верхи, пойти на встречу представителям «старой интеллигенции», которые не только осознавали необратимость утраты ценных памятников и коллекций, целых пластов «уходящей» культуры, ...но и способствовали их сохранению в музеях [11 с. 52; 13, с.70], закрепить умиравшие и уже умершие формы быта в музее [11, с. 54], что будет не выставкой интересных вещей», а государственным предприятием» [11, с. 55]. Историко-бытовой отдел Русского музея (1918 – 1941 гг.), выступил оригинальным и практически единственным музеем такого рода и, и единственным музеем такого рода и, в отличие от музеев, создававшихся в усадьбах, кабинетах дореволюционной элиты, не имел для своего воплощения архитектурного ансамбля.

Далее в 1920-е гг. история Историко-бытового отдела Русского музея, показала, что ни помещичья, ни крестьянская, ни пролетарская культура дооктябрьского времени не пригодны для хоть какой-то базы пропаганды результатов советского строительства.

В 1937 г. Государственный музей этнографии добивается передачи коллекций бывшего Историко-бытового отдела Русского музея вместе с включением в штат его сотрудников. Мотивация воссоединения состоит в утверждениях, что экспозиция ГМЭ приблизилась по характеру к экспозициям исторических музеев колониального угнетения и социалистического строительства, что ГМЭ по источникам не отличается от исторических музеев, отличие состоит только в особом внимании на национальном угнетении российским самодержавием народов, населявших царскую Россию, противопоставлении этому гнету и бесправию расцвета национальных культур во всех областях жизни [4, с. 1–2]. Далее объясняется, что коллекции б. И-БО – неповторяемое собрание экспонатов, но недостаточное для развертывания в самостоятельный исторический музей, тем более что представляет только собрание по русской феодальной аристократии, русской буржуазии и русскому пролетариату, т.е. отсутствуют вещи по крестьянскому быту вообще и совершенно нет вещей, относящихся к остальным народам СССР.

Администрация ГМЭ, считала, что соединение коллекций даст возможность усилить исторический элемент в экспозиции музея, отразить роль русских феодалов и буржуазии в угнетении народов России и ведущую роль русского пролетариата в революционном движении, ввести в оборот ценнейшее собрание ИБО, находящееся на консервации [4, с.2]. В переписке с руководящими инстанциями пояснялось, что собственно крестьянская культура изучается только в ГМЭ, поэтому здесь и следует показывать культуру других сословий. В документах рисуется перспектива развития общего подхода в изучении этнографии сословий и обещание таким образом усиления отражения культуры русского народа – «что касается Отдела русских ГМЭ, то, он будет через два года развернут в плане истории русского народа (вначале, начиная с 17 в., с последующим расширением экспозиции к раннему периоду, путем организации археологических работ, а также путем получения отдельных собраний из других музеев, тогда как соединение экспонатов б. ИБО и ГМЭ обеспечит эту возможность») [4, с. 3].

Руководство РЭМ просило для временного размещения коллекций б. Историко-бытового отдела помещения

разных церквей Ленинграда, находящихся в его центре, получая в свое распоряжение только одну, церковь Вознесения (Спас на крови) на канале Грибоедова. Этого помещения было мало, и условия хранения экспонатов в нем были плохи. Решением Ленсовета в декабре 1938 г. и это помещение следовало освободить, а местом размещения передаваемых экспонатов становится костел на Невском проспекте, где в конечном виде и создается экспозиция «История России XVIII в.». Транспортировка экспонатов проходила с трудом. Возникли споры с музеем Революции (Зимний дворец, где экспонаты б. ИБО занимали Помпейский зал) и Русским музеем, очевидно, не закончившиеся, когда бывшие держатели коллекций требовали полного освобождения всех своих помещений.

Вряд ли ГМЭ получил полностью состав предметов бывшего Историко-бытового отдела, но все же состоялось присоединение собрания почти равного по численности предметов (ок. 250 тыс. экспонатов) и оригинального по составу. В нем были элитные утварь, мебель, платья, украшения, гравюры, литография и содержались такие уникальные комплексы, как петровская галерея (комплекс предметов русской культуры VI-XVIII вв.), массонская коллекция, оловянные изделия XVII в. и т.д. [6, с.4]. В результате историческая экспозиция ГМЭ была построена на обильном материале. Включения предметов бывшего. Историко-бытового отдела в музейное собрание и штата его сотрудников в коллектив РЭМ привело к образованию бимодальной структуры музея в целом. Штаты Исторического отдела и всех этнографических были примерно равны, а отделы действовали автономно, но связывались общим руководством музея.

В дальнейшем планировалась разработка ряда тем истории России XIX в. Высказывалась также мысль о превращении исторического отдела ГМЭ в самостоятельный музей [3, с. 10]. В результате складывалась парадоксальная ситуация возвращения ГМЭ к принципам комплексности музейного собрания до реконструкции 1932 – 1934 г. Этот путь сулил также и бинарную структуру вещевое и в целом фактового собрания музея, этнографического и историко-бытового фондов.

Реально, этот путь оказался прерван и по неясным на настоящий момент причинам. В 1941 г. собрание теперь уже исторического отдела ГМЭ было передано в Эрмитаж, где на его основе возникли Отдел истории русской культуры, ранее не существовавший, и соответствующие ему экспозиции. Публикации подтверждают факт преемственности экспозиций Эрмитажа по русской культуре части собрания ГМЭ [17]. К концу 1930 г. состоялась и окончательная передача в Эрмитаж археологических коллекций ГМЭ, в первую очередь, имевших художественную ценность.

Сам факт передачи «исторического» собрания ГМЭ вызывает вопросы. Их становится еще больше при прочтении двух текстов за авторством директора ГМЭ Е.А. Мильштейна. В одном из них, датированным 1944 г. временем начала восстановления ГМЭ по последствиям войны, развивалась идея совместного дальнейшего существования двух частей ГМЭ [16, с.1]. В другом, опубликованной статье 1948 г, утверждалось, что ГМЭ была проявлена собственная инициатива по передаче собрания русского культурно-бытового материала в Эрмитаж вследствие недостатка возможности его обработки в этнографическом музее [20]. Хронология появления текстов явно указывает на их несовместимость.

В свете данного возможно допустить, что фраза о самостоятельности решения ГМЭ в этом вопросе, скорее говорит, об обратном.

Результаты. Сегодня трудно предполагать, как складывалась бы дальнейшая судьба Государственного музея этнографии, если бы в нем была бы сохранена двойственная структура, состоявшаяся из Историческо-

го и Этнографического отделов, и какие бы темы были лидирующими в деятельности такого комплекса. Можно только сказать, что советское государство никогда не было так близко к существованию в структуре его музеев – музея с функциями и возможностями Национального музея.

Литература

1. Архив РЭМ (далее – АРЭМ). Ф. 2. Оп.1 Д. 435.
2. АРЭМ. Ф.2. Оп. 1 Д. 502.
3. АРЭМ Ф. 2. Оп. 1, Д. 507.
4. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 553.
5. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 566.
6. АРЭМ Ф. 2. Оп. 1, Д. 645.
7. АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 652.
8. АРЭМ. Ф. 2, Оп. 1. Д. 653.
9. АРЭМ. Ф.2. Оп. 1. Д. 724.
10. АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 882.
11. Ананьев В. Г., Майоров А. В. Историко-бытовые музеи как культурная форма (по архивным материалам) // Вопросы музееведения. 2010. № 1. С. 50–56.
12. Анисимова М. В. Историко-бытовой отдел Русского Музея: Формирование, Развитие, Ликвидация // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 4. С. 108–117.
13. Грусман В. М., Дмитриев В. А. Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей, традиция, этничность. 2014. № 1(5). С. 6–24.
14. Златоустова В. И., Каспаринская С. А., Кузина Г. А. Музейное дело в России // Российская музейная энциклопедия. Том 1. М.: Прогресс, РИПОЛ КЛАССИК, 2001. С. 401–404.
15. Историческое краеведение в 1930-е – 2000-е гг. // Сайт Мераобучалка. URL: <https://rus.team/megaobuchalka.ru/4/36047.html>. (дата обращения: 09.01.2024).
16. Итоги Всероссийского археолого-этнографического совещания // Советская Этнография. 1932. № 3. С. 4–14.
17. Коршунова Т. Т. Костюм в России XVIII – начала XX в. из собрания Государственного Эрмитажа. Л.: Художник РСФСР, 1979. 295 с.
18. Крюкова Т. А., Студенецкая Е. Н. Государственный музей этнографии народов СССР за 50 лет Советской власти // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VII. М.: Советская Россия, 1957. С. 9–121.
19. Мастеница Е. Н. Историко-бытовые музеи как явление культуры 1920-х годов // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: материалы XXII Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 17–18 декабря 2007. СПб: б.и., 2007. Ч. 2. С. 69–72.
20. Мильштейн Е. А. Государственный музей этнографии // Советская этнография. № 1948. № 1. С. 218–222.
21. Музеи в эпоху социализма // Сайт Файловый архив студентов StudFile. URL: <https://rus.team/studfile.net/preview/6188142/page:5/> (дата обращения: 09.01.2024).
22. Музейное дело России. Под ред. Каулен М. Е., Коссовой И. М., Сундиевой А. А. // Сайт Российская государственная библиотека. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004730061> (дата обращения: 09.01.2024).
23. Научно-исследовательская работа краеведческих музеев. // Советский музей. 1935. № 1. С. 6–30.
24. О.К. Работа по истории народов СССР // Революция и национальности. 1936. № 5. С. 79–83.
25. Органы управления музеями в советской России (1917 – 40-е гг. XX века) // Сайт МойДокс.ру URL: <https://mydocx.ru/4-4840.html> (дата обращения: 09.01.2024).
26. Потапов Л. П. Гос. Музей этнографии // Советская этнография. 1936. № 2. С. 126–129.
27. Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне. 1928—1938. // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–123.
28. Федосеева И. В. Исторические музеи // Российская музейная энциклопедия. Том 1. М., Прогресс, РИПОЛ КЛАССИК, 2001. С. 235.
29. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.
30. Шангина И. И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда на рубеже 20-х - 30-х годов XX века. // Советская этнография. 1991. № 2. С. 71–81.

References

1. Archive of Russian museum of Ethnography (AREM). F. 2, Inv.1 D. 435. 1.
2. AREM. F.2. Inv. 1 D. 502.
3. AREM F. 2. Inv. 1. D. 507.
4. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 553.
5. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 566.
6. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 645.
7. AREM. F.2. Inv. 1. D. 652.
8. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 653.
9. AREM. F.2. Inv. 1. D. 724.
10. AREM. F. 2. Inv. 1. D. 882.
11. Ananyev VG, Mayorov AV. Historical and everyday museums as a cultural form (based on archival materials). *Voprosy muzeyovedeniya*. 2010;(1):50-56. (In Russ.).
12. Anisimova MV. Historical and everyday life department of the Russian Museum: Formation, Development, Liquidation. *Istoricheskii zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. 2020;(4):108-117. (In Russ.).
13. Grusman VM, Dmitriev VA. From the history of the Russian Ethnographic Museum: to the 80th anniversary of independence. *Muzey, traditsiya, etnichnost*. 2014;1(5):6-24. (In Russ.).
14. Zlatoustova VI, Kasparinskaya SA, Kuzina GA. Museum work in Russia in Russian Museum Encyclopedia. Vol. 1. Moscow: Progress RIPOL KLASSIK; 2001. P. 403. (In Russ.).

15. Historical local history in the 1930s - 2000s. URL: <https://rus.team/megaobuchalka.ru/4/36047.html>. (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).
16. Results of the All-Russian Archaeological and Ethnographic Meeting. *Sovetskaya Etnografiya*. 1932;(3):4-14. (In Russ.).
17. Korshunova TT. Costume in Russia in the 18th – early 20th centuries from the collection of the State Hermitage. Leningrad: Khudozhnike RSFS; 1979. 295 p. (In Russ.).
18. Kryukova TA, Studenetskaya EN. State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR for 50 Years of Soviet Power in Essays on the history of museum affairs in the USSR. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1957. Vol. VII. P. 9-121. (In Russ.).
19. Mastenitsa EN. Historical and everyday museums as a cultural phenomenon of the 1920s in Everyday life as a factor of extreme influence on the historical and psychological characteristics of people's behavior Materials of the XXII International Scientific Conference. (St. Petersburg, December 17-18, 2007). St. Petersburg, 2007. P. 69-72. (In Russ.).
20. Milshtein EA. State Museum of Ethnography. *Sovetskaya Etnografiya*. 1948;(1):218-222. (In Russ.).
21. Museums in the era of socialism. URL: <https://rus.team/studfile.net/preview/6188142/page:5/> (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).
22. Museum affairs in Russia. Ed. Kaulen ME, Kossovoy IM, Sundieva AA. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004730061> (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).
23. Research work of local history museums. *Sovetskiy muzey*. 1935;(1):6-30. (In Russ.).
24. OK. Work on the history of the peoples of the USSR. *Revolutsia i national'nosti*. 1936;5:79-83. (In Russ.).
25. Management bodies of museums in Soviet Russia (1917 - 40s of the XX century). URL: <https://mydocx.ru/4-4840.html> (accessed: 09.01.2024). (In Russ.).
26. Potapov LP. State Museum of Ethnography. *Sovetskaya Etnografiya*. 1936;(2):126-129. (In Russ.).
27. Slezkin Yu. Soviet ethnography in knockdown.1928-1938. *Etnograficheskoye iobozreniye*. 1993;(2):113-123. (In Russ.).
28. Fedoseeva IV. Historical museums in Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya. Vol. 1. Moscow: Progress RIPOL KLASSIK; 2001. P. 235. (In Russ.).
29. Formozov AA. Russian archaeologists during the period of totalitarianism: Historiographical essays. 2nd ed., add. Moscow: Znak; 2006. 344 p. (In Russ.).
30. Shangina II. Ethnographic museums of Moscow and Leningrad at the turn of the 20s - 30s of the XX century. *Sovetskaya Etnografiya*. 1991;(2):71-81. (In Russ.).